
ПРОЗРЕНИЕ ИСТОКА
ПАВЕЛ БАРУТКИН
18+

Павел Баруткин

Прозрение истока

Серия «Мир будущего», книга 2

https://litres.ru/74598092
SelfPub; 2026

Аннотация

Алиса Зорина, специалист по культурно-историческому наследию человечества, пытается спасти инопланетную цивилизацию, застрявшую в искусственных виртуальных мирах. Для этого она и её команда используют парадоксальные нейролингвистические конструкции на основе поэзии панк рока из далекого 20-го века. В процессе выполнения своей миссии Алиса переживает тяжелые испытания и открывает в себе неожиданные качества, способные изменить судьбу земного человечества.

Содержание

. 4
Конец ознакомительного фрагмента. 83

Павел Баруткин
Прозрение истока

•

Представленная вашему вниманию книга является прямым продолжением «Послания будущего», развивающим и углубляющим описанный прежде мир. Некоторые действующие лица перешли сюда из первой книги, другие же появляются впервые и выражают другие концепции, важные для лучшего понимания предлагаемого образа будущего. Здесь уже нет столь детального описания мира, как раньше, и акцент смещен на личности и пути их развития. Однако картина мира в целом вырисовывается из действий героев. Если кто-то не читал первую книгу, то вполне может начинать читать «Прозрения истока», не опасаясь запутаться в повествовании. Некоторые моменты сюжета носят подчеркнуто иронический характер, обыгрывая популярные ныне стереотипы. Другие же сцены отображают глубокие концептуальные основы общества будущего. Где именно какие находятся, пусть каждый читатель постарается разобраться сам в силу собственной проницательности.

Следует отдельно оговориться, что я как автор, разумеется, осуждаю употребление алкоголя и наркотических ве-

ществ, равно как и любые формы аморального поведения. Рассуждения героев на эти темы носят исключительно общефилософский характер и демонстрируют различия в восприятии людей будущего и наших современников. Любовные отношения героев обусловлены особенностями морально-нравственных представлений общества будущего, которые разъясняются по ходу сюжета.

Космическая часть приключений Алисы Зориной (женщины из далекого будущего) позволила чуть больше пофантазировать на тему иных человечеств – как обогнавших нас в развитии, так и застрявших в опасном цивилизационном тупике. Хочется, чтобы читающие эту книгу полюбили Алису как во всей её непосредственности, так и в обретенной ей мудрости, а вместе с ней увидели людей будущего не плакатными монументальными идеалами, а живыми и глубокими личностями.

1. Алиса

Меня зовут Алиса Зорина и я родилась на станции Энцелад-7 в 832-ом году от Победы Великой Мировой Революции. На момент записи этих весьма эмоциональных воспоминаний мне недавно исполнилось сорок восемь лет, что, конечно, совсем немного для представительниц нашего человечества. В далекие докоммунистические времена женщину

моего возраста, наверное, уже считали бы почти старой, но сейчас мой возраст вполне соответствует поздней молодости, находящейся на самой границе наполненной зрелости. С тех пор как люди стали жить до ста пятидесяти и даже до двухсот лет, сохраняя совершенное здоровье и полноту сил, возраст около пятидесяти считается небольшим, а после него человека ждёт ещё очень долгая и счастливая жизнь. Могу с удовлетворением отметить, что многолетние занятия атлетической гимнастикой подарили мне сильное красивое и весьма гармонично сложенное тело, заметно украшающее мою в целом обычную внешность. Пожалуй, я выгляжу как достаточно красивая и в меру привлекательная женщина, но в целом мало чем отличаюсь от других таких же представительниц женского пола своих лет. Но за эти годы мне довелось пережить немало интересных судьбоносных событий и косвенно поучаствовать в некоторых исторических деяниях, каковые, несомненно, войдут в историю нашего человечества.

Мой Наставник и непосредственный руководитель Виктор Ланге советовал не пренебрегать пользой ведения дневников для будущего анализа своих действий, а так как вести дневники мне было попросту некогда, то и эти мои записи будут носить характер простого последовательного изложения наиболее запомнившихся событий. Тем более, у меня уже не остается времени, чтобы описать их подробнее.

Я намеренно исключаю строго научные описания кон-

кретных деталей, так как при желании их без труда можно будет найти в официальных отчетах и специальных трудах, посвященных затронутым мной вопросам. Как говорил незабвенный старейшина Михан: «Будущему важнее твоё отношение к судьбоносным событиям, чем их причинность, ставшая для живущих в этом будущем более очевидной, чем была для тебя». Поэтому мои записи и носят именно такой сумбурный характер. Может случиться и так, что эти мои записи пригодятся товарищам, которые пойдут по тому пути, что был предопределен моими действиями, и который я отчасти сама для себя выбрала.

Возможно, когда-нибудь их прочтет моя юная дочь, проходящая сейчас обучение в Институте Общей Медицины, или же они откроют сокрытые от других переживания моим товарищам, разделившим со мной важные этапы пройденного пути, — мастеру Алехандро Кордейру и наставнику Виктору Ланге. Может статься, что их прочтет мой добрый и такой любимый Ульрих, трудящийся сейчас вместе с мудрой Кристиной Тайлер и верной Миррой в медцентре при Институте Здоровья Мозга в Сфере Обитания Субмарс-1. Надеюсь, что прочитав это, он поймет мотивы моих поступков, могущих показаться крайне неоднозначными со стороны. Конечно, в первую очередь я адресую написанное Еве — моей прекрасной и любимой дочери, которую, возможно, никогда больше не увижу. По всем этим причинам мои записи скорее отражают личное отношение к произошедшему,

чем детальное описание событий, приведших к моему изменению...

С самого детства меня интересовала культура докоммунистической Земли, нашей исконной планеты, что сейчас называется Марксидой в честь величайшего гения, открывшего нашим предкам путь к обретению истинной человечности. Особенно мне был интересен период с 19-ого по 22-ой века по старой хронологии, когда как раз происходил судьбоносный переход от примитивного полуживотного мышления к настоящему коммунистическому мировоззрению, знаменующий начало собственно человеческой истории. Почти тысяча лет отделяет нас от того переломного и крайне неоднозначного периода, заложившего основу нашей современности. Многие современные психоисторики и социальные антропологи склонны рассматривать тогдашнюю цивилизацию ещё не как человеческую, обозначая её представителей как переходную форму между человекообразной обезьяной и небесным человеком — таким, как мы. В самом деле, с тех пор мы претерпели не только коренные мировоззренческие изменения, но и сильнейшим образом поменялись физически, усовершенствовав свой геном и развив на основе новой здоровой телесности психофизические кондиции такого уровня, который был попросту немыслим для наших недавних предков. Тем не менее, я не склонна считать их человекообразными обезьянами и полагаю такую точку зрения слишком уж маргинальной, тем более что нас разделя-

ет столь небольшой по эволюционным меркам исторический промежуток.

Я глубоко изучала культуру того периода и хорошо знаю, что жившие тогда были уже во многом людьми, порой проявляя высочайшие моральные качества, особенно ценные в тот жестокое и противоречивое время. Конечно, тогда существовали человекоубойные войны бессмысленного расточительного капитализма, конкуренция, присущая лишь животным, примитивное идеалистическое мышление с такими его чудовищными формами, как религия, буржуазное мещанство и национализм. Тогда людям были присущи ревность, зависть, жадность и звериный индивидуализм, приводящий к насилию, социальному паразитизму и прямым убийствам себе подобных, но были и жажда познания, самоотверженная жертвенность, любовь к ближним, стремление к справедливости и потрясающие примеры истинного героизма революционеров, заложивших основы нашего современного общества. Именно в этом сложном переплетении таких, казалось бы, несочетаемых явлений, и проявляется диалектика становления человечества, выходящего из своего затянувшегося детства и достигающего окончательного отрицания своей изначально животной природы. Меня всегда завораживала и притягивала эта странная близость низменного и возвышенного, безумного и рационального, отвратительного и прекрасного, каковое причудливо сочеталось не только в тогдашнем обществе, но и вполне могло со-

существовать в психике отдельного человека.

С самого детства я стремилась соприкоснуться с культурой той эпохи, выискивая через систему Единого Сознания те её образцы, что соответствовали моему текущему уровню допуска. В книгах, фильмах, картинах, в музыке и поэзии присутствовало много такого, чего категорически не рекомендовалось детям, ещё не воспитавшим свою психику для восприятия подобного. Разумеется, я не имела никакого морального права нарушать эти рекомендации, а потому особенно рьяно тренировалась и училась, стремясь как можно быстрее повысить свой личный уровень развития, дабы совершенные алгоритмы Единого Сознания открывали для меня всё новый историко-культурный контент. Моя школа Детского Цикла находилась в Сфере Обитания Субсатурн-11 (дубль Энцелад), а вот уже на подростковый и юношеский цикл обучения меня перевели, учитывая специфические интересы и способности, поближе к исконной планете в школу на Субземле-3, откуда можно было периодически летать на прежнюю Землю, превращенную сейчас в один огромный музей-заповедник. Я посетила все доступные тогда экскурсии на Марксиду, провела массу времени в планетарных музеях и даже на каникулах, прежде чем отправиться к родителям, всегда летала в старые планетарные города, где можно было проникнуться духом прежней исторической эпохи. Как водится, все возрастные и профессиональные инициации для воспитанников школ этих циклов проходили на

Марксиде, и моя не была в этом исключением.

Моя индивидуальная инициация прошла на островах Полинезийского архипелага, где мне предстояло прожить совершенно одной, отключенной от Единого Сознания, выполняя относительно несложные задания, призванные проверить мои навыки автономного существования в условиях планетарной природы. Некоторым сверстникам достались гораздо более суровые условия. Поначалу было несколько обидно, что Наставники сочли правильным отправить меня на практически райский тропический остров, где выживание не составляло особого труда для детей нашего уровня психофизической подготовки. Но прожив там на берегу великого океана под завораживающим южным небом, я осознала правильность решения старших, так как этот опыт откликнулся моему характеру, пробудив некоторые его специфические черты и научив лучше понимать саму себя.

Коллективная инициация нашей дружной учебной группы проходила в Средиземноморской Санаторной Зоне недалеко от большого рекреационного центра на Кикладах. Там мы жили в реконструированном поселении Античной Греции классического периода, занимаясь древними ремеслами, призванными познакомить с характером труда наших далеких предков. Выдержав все линейные и вертикальные экзамены, я проходила практику при Институте Общественного Питания во всё той же Сфере Обитания Субземля-3, где профессионалы познакомили меня с особенностями ор-

ганизации процесса производства пищи, её индивидуальной подборки, исходя из потребностей и личных особенностей отдельного человека, а также с техническими аспектами её своевременной подачи каждому из трехсот миллионов постоянных обитателей этой небесной сферы.

После обязательной для каждого юноши и девушки общественной практики я как раз собиралась поступать в Институт Культурного Наследия Марксиды, когда судьба свела меня с Ваном Хорном и его возлюбленной Верой Эрфарен, ставшими моими близкими друзьями. Это тот самый Ван Хорн, который известен всему человечеству как звездолетчик, первым вступивший в контакт с загадочной Точкой Послания, оставленной нам представителями неведомой древней сверхцивилизации где-то среди бесчисленных небесных тел облака Оорта. Его возлюбленная и моя подруга Вера Эрфарен известна меньше, но многие слышала о ней как о пространственном архитекторе городов Марса и основательнице Школы Опережающего Прозрения, объединяющей передовой опыт программируемой нейрофизиологии с практиками восстановления глубинной памяти.

Так получилось, что я оказалась вовлечена в события, соединившие этих двоих Предназначенных вместе и положившие начало изменениям, которые суждены нашему человечеству в будущем согласно откровению Блуждающих-в-Пустоте. Во время моего обучения в Институте я с головой погрузилась в 20-ый век по старой хронологии, постоянно

посещая знаковые исторические места на Марксиде и трудясь над каталогизацией Хранилищ Знания в проекте, призванном популяризировать некоторые забытые культурные аспекты планетарного прошлого. Однако, я находила время и для посещения моих друзей Вана и Веры, поначалу обосновавшихся прямо на Марксиде в Домах Отдохновения, что в изобилии построены в Альпийских горах. Учитывая важность деятельности Вана, побывавшего в Точке Послания, у них было полное моральное право оставаться на исконной планете столько, сколько они посчитают нужным, в то время как основная масса людей прилетала туда лишь для восстановительного отдыха, походов, инициаций, экскурсий и разного рода культурно-спортивных мероприятий. В скором времени Верочка родила двух замечательных близнецов, а затем и красавицу дочку -очень похожую на маму. Я часто общалась с их детьми сначала навещая Веру в Доме Малютки, а затем приезжая к ним прямо в школу Детского Цикла, расположенную в континентальных садах к югу от Сталинграда. Ван трудился вместе с Верой над их грандиозным научным проектом, призванным изменить базовый подход сразу к нескольким важнейшим наукам, а также водил в горные походы, прилетавших в Альпийский сектор детей и подростков, щедро делясь с ними своим богатым практическим опытом. По возможности я старалась присоединиться к этим вылазкам, так как наш памятный поход по Южному Уралу навсегда наполнил моё сердце трепетной любовью к горам и

всему связанному с перемещением по ним.

Именно в одном из походов в окрестности Гроссглокнера я и встретила своего возлюбленного Ульриха Грея, оказавшегося молодым нейрохирургом, да и при том младшим учеником великого Михана — одного из опытнейших старейшин нашего человечества. Окончив обучение, я несколько лет трудилась старшим куратором школы второго цикла и научным консультантом вертикального отдела изучения культуры Сферы Обитания Субземля-7, где в медицинском центре проходил интернатуру и мой возлюбленный мужчина, а затем по совокупности научных публикаций была приглашена в выпустивший меня институт в качестве одного из ведущих специалистов. Итак, большую часть времени я преподавала в Институте Сохранения Культурного Наследия, занималась организацией фольклорных исторических конференций, проводила экскурсии на Марскиду для школьников и студентов, а также потихоньку продолжала свой главный научный труд, посвященный отражению процессов мировоззренческого разложения первого социалистического общества в произведениях советской массовой культуры. Помимо основной деятельности я продолжала занятия атлетической гимнастикой, посещала детей Вана с Верой, иногда встречалась с Виктором Ланге для занятий борьбой и выполнения его небольших заданий, обычно носящих характер профильной консультации по тем вопросам, в которых меня считали экспертом.

Как раз в то время мы с Ульрихом стали постоянно жить вместе, и наша любовь достигла той степени полноты, при которой уже не могла оставаться только уделом двоих, и у нас родилась дочка, названная мной Евой по древнему праву матери выбирать имя для своего ребенка. Тогда мои друзья Ван и Вера получили разрешение от Института Звездоплавания отправиться в дальнюю экспедицию на новейшем звездолете «Кабеса де-Вака», где они планировали выяснить насколько их изыскания верны для человечеств иных обитаемых миров. Меня они попросили почаще навещать в школе их детей, а также разобрать некоторые исторические записи, накопившиеся у них в ходе долгих научных поисков мировоззренческих особенностей мышления людей прошлого. Именно тогда я вплотную столкнулась с творчеством Егора Летова - гениального поэта рубежа 20-ого и 21-ого веков. Именно знакомство с его поэзией послужило толчком для дальнейших событий, приведших меня туда, где я нахожусь сейчас. Незадолго до отлета и уже после прохождения всех длительных подготовительных программ мои друзья обещали навестить меня с Ульрихом. Именно с того момента я считаю правильным вести отсчет всех дальнейших событий.

2. Шаман

Это был один из тех спокойных непринужденных вечеров, когда мы с друзьями собирались вместе в просторной гостиной, пили чай и обсуждали всё на свете. Особенностью вечера было только скорое отбытие моих друзей Вана и Веры, улетавших в межзвездную экспедицию и заехавших к нам с Ульрихом провести несколько дней вместе. Вместе с ними нас навестила прелестная Ильза со своим спутником жизни Иеремией Кауфманом, профессионально занимавшимся преподаванием диалектической логики бессмертного «Капитала». Для Ильзы точно такое же преподавание было её второй - не основной профессией. По первой профессии Ильза трудилась пространственным архитектором Сфер Обитания дальнего рубежа, как и её лучшая подруга Вера, много лет проектировавшая спиралогорода Марса, до того как вместе с Ваном ушла с головой в исследования механизмов скрытой генетической памяти.

Вера с Ильзой бегло просматривали голографические чертежи дипломных проектов молодых архитекторов, периодически разливая из прозрачного сливника чай по маленьким чашкам. Иеремия, Ульрих и Ван увлеченно спорили о природе мышления, а я, как всегда, предпочитала молча и с большим интересом слушать беседу старших товарищей. Иногда они увлекались беседой и начинали ходить взад-вперед по комнате, активно жестикулируя, поэтому я в своей несколько легкомысленной домашней пижаме лежала на ди-

ване, подобрав колени, так чтоб не оттягивать на себя излишнее внимание. В этот раз Иеремия опять скептически отзывался о результатах тестирования новейшей объемной модели реконструкции мышления древних по восстановленным обрывкам их памяти.

- Сущностью нашего общества является объективное научное знание, каковое может опираться только на единственно верный метод диалектического мышления, впервые открытого великим Марксом и развернутого в его бессмертном «Капитале», - уверенно, будто находясь на лекции, вещал Иеремия. - Сейчас наше человечество настолько продвинулось в познании, что подошло к очень тонким и трудноуловимым явлениям, подчиняющимся ещё не открытым нам природным законам. Недостаток знаний может подвести к опасной черте, когда ученые, подобно вам, увлекаются непроверенными концепциями и опираются на индивидуальный опыт, пусть он даже и принадлежит исключительно развитым личностям, доведшим качество своего восприятия до заоблачных высот адекватности.

- Ты недооцениваешь наших предков, - отвечал мой Ульрих. - Тогда мир казался им непостижимым и таинственным, полным всяких магических сил и могущественных духов. Но всё-таки они ведь как-то открывали объективные законы природы, продираясь на ощупь сквозь дебри идеализма и путаясь в собственном искаженном мышлении!

- Вот именно, что продирались на ощупь! - громко гово-

рил Иеремия. - Нам то нет необходимости так делать, ведь можно подождать, когда дозреет достаточная научная база для движения вперед в этих туманных областях знания. Вы переоцениваете мышление древних.

- Ни в коей мере, - сказал Ван. - Их мировоззрение ценно для нас, потому что позволяет увидеть, как люди могли постигать что-то, опираясь преимущественно на субъективное восприятие, лишенное твердой научной опоры материалистического знания. Тем не менее, они уже тогда стремились создать целостную картину мира, пусть и заполняя темные пятна своими фантазиями и домыслами.

- Их мировоззрение вряд ли можно считать чем -то целостным, - задумчиво размышлял вслух Ульрих. - Было бы ошибкой распространять на сугубо прикладное и очень практичное мышление древних наши более поздние философские абстракции. Даже являясь в основном идеалистичным, их мировоззрение не представляло собой какой-то сложной целостной картины, какие привыкли выстраивать мы или мыслители эпохи классической немецкой философии.

- Именно так, Ульрих! - продолжил Ван. - Те люди, что стремились к саморазвитию и создавали различные внутренние практики, конечно, опирались на некое идеалистическое мировоззрение. В те времена оно и не могло быть другим, ведь люди ещё так мало знали о мире! Однако, работая над собой, они вынуждены были опираться на объективную ре-

альность своего тела и сознания. При всём возможном субъективизме этого метода он реально работал и позволял развиваться до весьма высокого уровня при условии наличия определенного таланта, выдающихся способностей, критичного склада ума, не склонного впадать в экзальтацию, ну и, конечно, при наличии уже чего-то достигшего учителя, передававшего ученику так называемые «ключи». Эти ключи есть не что иное, как реперные точки достижения искомых состояний и та самая, хоть и весьма зыбкая, опора, которая позволяет контролировать весь процесс личностного развития.

Выслушав Вана, Иеремия встал, прошелся по комнате, сел рядом со своей красавицей Ильзой и задумчиво погладил её колено, после чего сказал:

- Я не сомневаюсь в способности людей находить нужные условия для развития, опираясь на четко описанные внутренние ощущения и проверенный опытом поколений метод. Дело даже не в том, что эти ощущения субъективны, а в том, что они именно ощущения! При таком методе внутренней работы из процесса словно бы исключается правильное мышление. Оно конечно может возникнуть впоследствии, но далеко не факт, что возникнет. В нашем же мире люди развиваются, опираясь именно на правильный метод мышления. Овладевая материалистической диалектикой, мы всё глубже и точнее познаем объективную реальность. Применяя эти знания к себе самим, мы развиваемся, включая сюда

и все наши психофизические практики, а уж затем это развитие выводит на новый уровень качество мышления...

Тут Ван тоже встал, обошел диван, на котором лежала я, обнял за плечи свою Веру и продолжил:

- Мышление это только один из способов восприятия и отражения мира, хотя он высший и наиболее точный, но при этом далеко не единственный и отнюдь не главный. Правильно понимать мир - ещё не значит полноценно жить в нём. Те, кто всю жизнь практикуют внутренние искусства Гунфу, однажды в полной мере понимают это. Древние не имели могучей базы в виде наших современных объективных знаний и метода правильного мышления, а потому они могли опираться только на самих себя, сопоставляя процессы развития со своим собственным опытом… При всей его субъективности, этот метод был единственно доступным для них и, надо признать, многие достигли больших качественных высот, используя его.

- Да, но ваши методы погружения в память и восстановления отрывочных воспоминаний крайне субъективны, - сказал Иеремия, продолжая задумчиво поглаживать свою Ильзу. - Мало того, что они не поддаются полноценной дешифровке, так ещё и эти люди, жившие задолго до коммунистической эры, не умели правильно мыслить, являлись носителями идеалистического мировоззрения и вряд ли адекватно воспринимали происходящее с ними.

Ван протянул Иеремии чашку, переданную ему со стола

Верой, хитро улыбнулся и сказал:

- Давайте я вам всем расскажу историю и на этом закончим спор, перейдя к совместной прогулке на внешней террасе. Вы уж сами решите, каждый сам для себя, - восстановленные ли это обрывки воспоминаний древнего индейского вождя, являющегося генетически моим очень отдаленным предком, или же просто увлекательная сказка…

История эта была такова. Народ секани, или людей со скал, переживал тяжелые времена и многие могучие воины погибли в войнах с отчаянным народом шусвап. Беды не приходят по одной, и вслед за необычайно суровой даже для этих северных лесов зимой с востока пришли воины народа кри, уничтожившие несколько селений, перебив мужчин, а множество женщин и детей захватив в плен. Тогда вождь секани по имени Стремительный Ворон отправил своего единственного сына Ступающего Осторожно в погоню за воинством кри. Сын его справился с заданием, побив много врагов и вернув почти всех пленников. Беда же была в том, что в сражении Ступающий Осторожно получил жестокие раны и, если удар топориком в голову не проломил его крепкий череп, приведя лишь к трещинам и жутким головным болям, то стрела, застрявшая в боку и на которую воин поначалу почти не обратил внимания, загноилась и теперь медленно убивала сына вождя. Обычные лекари не могли ничего поделать, так как стрела вошла слишком глубоко под ребра и вытащить её уже было никак нельзя, а гной расползался

по сильному молодому телу, не оставляя юноше шансов выжить. Скорая и неизбежная смерть сына тревожила Стремительного Ворона, но не только как отца, а и как мудрого вождя. Шусвап и кри обязательно вернутся, если не в этом году, так в следующем, дабы отомстить за своих убитых и вернуть украденную у них Ступающим Осторожно удачу. Без удачи, посылаемой духами, человек бессилен и не сможет ни поймать оленя, ни выловить рыбу, ни добыть бобров, а семья его останется голодной, обрекая род на слабость и вымирание. Вернуть удачу было священным долгом пораженных врагов, и скорая месть их была неизбежна. Стремительный Ворон был уже стар и чувствовал дыхание страны смерти, откуда его всё громче звали голоса предков. Уйдя в память, он обрек бы свой народ на погибель, потому что сын у него был лишь один и тот умирал, а потеря удачи семьей вождя означала, что духи отвернулись ото всех секани и им следует ждать больших бед.

Стремительному Ворону не оставалось ничего кроме как надеть торжественную пурпурную накидку, уложить сына в каноэ, заботливо укрыв его шкурами и самому отправиться вместе с ним в верховья студёной реки в те края, где секани не ловят рыбу, не бьют бобров и не охотятся, потому что там живет шаман. Шаман этот был не просто шаман, а сам Зрящий-Далекое, обретший невероятное могущество и способный путешествовать между миром людей и духов столь же легко, как обычные охотники секани ходят из селения в

селение.

Жилище шамана находилось в гиблом месте среди скал, но не тех, какие так любят секани, а совершенно иных — диких и смертоносных. Всё там словно дышало смертью, а от леса, всегда знакомого и понятного, веяло нездешним ужасом. Стремительный Ворон, прошедший много войн и всякое повидавший на охоте, боялся находиться там и нисколько не смущался этим, потому что Зрящий-Далекое был не просто шаманом, исцеляющим людей от духов-боли. Он был уже почти не человеком и виделся чувствительным к таким вещам секани неким пугающим мистическим существом, сохраняющим облик зрелого мужчины много лет, за которые и куда более старые люди уже давно ушли в страну предков. Объяснив шаману свою беду, Стремительный Ворон уселся в углу хижины, откуда со смесью страха и надежды наблюдал за лечением.

Зрящий-Далекое вытащил юношу из шкур, раздел его, окурил тело травами и начал тихонько петь. Казалось, сам воздух в хижине изменился, став более плотным и лучше пропуская звуки. Тело вождя потяжелело и одновременно начало ощущаться как никогда раньше полно, вплоть до четкого ощущения внутренних органов. Вот шаман пел песню духа печени, и вождь явственно ощущал свою печень. Шаман пел песню острого глаза, и глаза вождя словно начинали пульсировать. Шаман пел о светлом разуме, и будто бы вся голова вождя становилась пустою, ощущаемой неким про-

странством, в которое полились чуждые ей звуки, запахи, образы и чувства. Никогда ещё вождь не видел столь сильного шамана, способного лишь звуком своего голоса менять мир вокруг, превращая реальность, кажущуюся обычно незыблемой, в то, что ему нужно.

«Умирает твой сын. Почти уж умер, - сказал Зрящий Далекое. - Злая боль в его тело вошла. Глубоко вошла очень. Нужно очень далеко ходить, чтобы боль вытащить и силу потом вложить, а то без силы пустой станет и мертвый совсем. Боль в прошлом искать надо. Силу в будущем заберем. Жизнь возьмём у самого истока, откуда древо всех народов растёт и река великая течет». И шаман словно полетел, разделяясь между далеким прошлым и неведомым будущим. Стремительный Ворон явственно ощущал это, качаясь на волнах шаманского пения и улавливая смутные образы - слишком таинственные и непонятные для его разума. Так продолжалось весь вечер, ночь и утро, так долго, что вождь потерял счет времени и будто бы растворился в неведомом ему процессе.

Наутро шаман потряс его за плечо и сказал: «Вернулся я. Сына твоего вернул. Пусть поспит - сил наберется. И тебе поспать надо. Пока я тропами времени бродил, будущее в тебя вошло. Сильно не по нутру оно тебе, силы нет и ясность теряешь, потому что чувствуешь и видишь, а понять не можешь». Стремительный Ворон и правда ничего не мог понять, мучительно пытаясь уловить и хоть как-то зафиксиро-

вать в памяти удивительные ощущения, не испытанные им никогда прежде. «Скажи мне, великий шаман, что потом будет? - спросил он. - Я, кажется, что-то видел, а чего не понял. Как ты и сказал, так и не понял. Понять хочу, хоть что-то. Не пойму, так мучиться буду. Хоть что-то скажи!». Зрящий Далекое помолчал, а потом глянул вождю словно прямо в душу и ответил: «Много чего будет. Ты не доживешь уже, а твой сын доживет. С востока люди придут с бледной кожей и волосами на лице. Бобров будут бить. Много бобров — народу секани совсем потом бобров не хватит. Кровь будет литься. Твой сын народ пусть уведет туда, где рыболовы и слабые люди живут. Тогда род твой и весь народ ваш сохранится. Много поколений пройдет и в другой большой народ он вольется, а тот в ещё больший. Могучей силой напитаются люди, сила секани в них тоже будет. Станут по звездам ходить и по луне. Потом к людям великая слабость придёт. Тут то шаманский секрет и понадобится».

Почти сутки вождь и его сын проспали крепким сном, а проснувшись, обнаружили, что шаман исчез, оставив напоследок защитные амулеты и рыбную похлебку. Чудом казалось возвращение Ступающего Осторожно из цепких когтей смерти. На теле юноши остался только едва заметный рубец на боку и шрам на голове, а вот сил у него теперь было хоть отбавляй. Наевшись и оставив своему спасителю множество даров, отец с сыном сели в каноэ и поспешили вниз по реке к своему гордому скальному племени...

История эта не всем показалась уместной, но Иеремия больше не приставал к Вану с расспросами, и мы наконец собрались идти на террасу. Я с подругами ушла в другую комнату, дабы переодеться для прогулки в подобающие тому удобные уличные платья, потому не знаю, о чем ещё говорили мужчины. После прогулки мы разошлись по комнатам и в эту ночь мне впервые приснился странный сон. Может причиной тому стала история, рассказанная Ваном, а может его присутствие пробудило воспоминания о нашем давнем походе по горам Южного Урала, но во сне моё тело словно парило в воздухе, обдаваемое едким костровым дымом, пропитывающим каждую клетку моего существа. Казалось, из самого этого дыма ко мне доходил отчетливый зов, голосом своим напоминавший кого-то до боли знакомого и забытого давным-давно. «Ты чувствуешь меня Алиса? Скоро в тебе заговорит твой шаманский корень. Из-за него твоя жизнь оказалась на переплетении многих судеб людского мира, - шептал этот голос. - Мы ждем тебя, Алиса, но сначала ты должна пройти через страну мертвых, сделав иных из них живыми, принести великий дар и постичь наш секрет. Иди по своей тропе, что скоро станет звездной, поведет тебя небесными путями и, если ты пройдешь все испытания, то вновь вернёт тебя к истоку и приведет ко мне».

Мне и раньше порою снились яркие сны, но в этот раз он был пугающе реалистичен и скорее напоминал реальный зов. Впрочем, утром ночные мороки быстро развеиваются, и

я до поры забыла о нем, погрузившись в обыкновенные дела. Мы все вместе собирались пойти на командные игры в центр активного досуга нашего жилого сектора, затем посетить столовую, сходить в музей освоения космоса и к вечеру разлететься кто куда.

День прошел до предела насыщенно, а прощание получилось очень трогательным, ведь с Ваном и Верочкой мы прощались на долгие годы. Я с Ильзой долго обнимала нашу общую подругу, высказывая всяческие благие пожелания, пока мужчины обсуждали что-то своё. Перед самым отлетом, Ван передал мне кейс со своими записями по их проекту, которыми давно обещал поделиться. Среди прочего там были давно и неоднократно демонстрируемые им с Верой объемные модели реконструкции мировоззренческих линий в приложении с материалами, полученными в ходе экспериментов с генетической памятью. Всё это я уже видела, а вот записи исторических материалов для дальнейшего анализа показались довольно интересными и спустя несколько дней, закончив труд по организации музейной экспозиции для вертикальной школы искусствоведения 2-ого - 7-ого веков коммунистической эры, я с головой погрузилась в них. Помимо отрывочных воспоминаний там была масса исторических материалов, подбираемых моими друзьями, дабы эти воспоминания с чем-то сопоставить. Копаясь в наиболее часто встречающихся воспоминаниях небезызвестного Андрея Н. и его любимой революционерки-подпольщицы Киры, я

не раз натыкалась на записи, посвященные андеграундной культуре рубежа 20-ого и 21-ого века по старой хронологии. Именно так я впервые узнала о группе «Гражданская Оборона» и, собственно, о великом творце смыслов Егоре Летове.

3. Нейролингвисты

Конечно, Егор Летов не был моим личным открытием, и уже почти триста лет различные исследовательские группы при Институте Исторической Лингвистики трудились, стремясь понять его уникальное и до безумия гениальное творчество. Уже долгое время ведущие нейролингвисты человечества совершенствуют наш Единый Язык, призванный достичь максимально возможной точности и глубины передачи смысла. Именно поэтому для них столь важны тексты Летова, порождающие из речевых конструкций прошлого совершенно невероятные смыслы, казалось бы, игнорирующие любые известные психолингвистические законы. Поэзия Летова, обусловленная некоторыми уникальными свойствами его психики, была выстроена таким образом, что букваль-

но взламывала мышление слушателей, способствуя устойчивому выстраиванию в их мозгу таких неожиданных нейронных связей, которые никак не могли появиться на основе их обычного мировосприятия. Этот эффект многократно усиливался, когда парадоксальная логика стихов оживала в песнях, исполняемых самим Летовым в измененном состоянии сознания, присущем ему по жизни. В этом было нечто сродни шаманизму, и сам автор рассматривал своё творчество как ритуальный акт, призванный вырвать людей из обыденного состояния и открыть им другие грани бытия. Многие употребляемые им конструкции ставят в ступор неподготовленных к такому людей современности, да и к тому же их очень трудно, порою невозможно, перевести на наш Единый Язык, как раз и отличающийся точностью передачи множества оттенков смысла.

Ещё во время обучения в институте я выучила русский язык, чтобы иметь возможность смотреть советские кинофильмы и читать книги в оригинале. Если бы я тогда этого не сделала, то не смогла бы в полной мере оценить его гениальное творчество. В позднем Советском Союзе на Земле 20-ого века существовала так называемая контркультура, представленная в том числе и различными творцами, подражавшими популярной в странах буржуазного Запада рок музыке. Изначально рок выражал стихийный протест против капитализма наиболее непримиримых творцов Западных стран, обладавших особым складом мышления, позво-

ляющим создавать мощную, энергичную, разрушительную музыку, направленную против системы, которую созидатели этой музыки считали бесчеловечно неправильной. Остается только удивляться непроходимой тупости позднесоветских бюрократов, заклеймивших эту музыку как враждебное буржуазное явление и даже не попытавшихся использовать её очевидно антикапиталистический характер в качестве орудия борьбы со всё тем же западом. Разрушительный потенциал рок музыки мог и должен был использоваться для сокрушения устоев буржуазного общества, с тем чтобы затем на руинах разрушенного заложить основы нового. Впрочем, ждать такой гибкости и умения от погрязшей в ревизионизме верхушки компартии было бы верхом наивности, ведь к тому времени их марксизм выродился в слепое следование доктрине, вопреки необходимости отношения к марксизму как к живой динамичной науке, направленной на постижение истины и преобразование всего общества. Удивительно, но в стихийной революционности тогдашних рок музыкантов бывало больше диалектики, чем в мертвых писаниях тех, под чьим руководством человечество должно было бы начать строить новый мир.

К своему стыду, среди множества тогдашних рок музыкантов я как-то не сразу обратила внимание на Егора Летова, выделявшегося своей принципиальной мировоззренческой позицией, выражаемой фразой «я всегда буду против», На первый взгляд он выглядел как типичный неадекватный

анархист наркоман с напрочь поехавшей крышей и существующий на популярной среди дезориентированной позднесоветской молодежи волне тотального отрицания всего. За хаотичным звучанием и подчеркнуто провокационными текстами я увидела определенный талант и искренность, но не сразу уловила главное. После крушения Союза и торжества контрреволюции Летов не принял сложившиеся порядки дикого переходного капитализма и встал на всё той же позиции «я всегда буду против», всё больше выражая себя как советского патриота и революционера, но скорее в духовно идеалистическом ключе. Это меня заинтересовало, так как имело прямое отношение к теме моих исследований, и я стала копать глубже. В тогдашних его текстах мне предстала невероятная глубина смыслов, намного превосходящих текущую политическую повестку, и тогда я впервые обратилась к массиву публикаций, посвященных структуре творчества этого великого человека.

Помимо уже упомянутой мной способности выстраивать парадоксальные смысловые конструкции и очень специфического пластичного мировоззрения, я нашла в его текстах то, чего раньше не видели другие. Возможно, это моё уникальное видение как-то удачно сошлось с хитросплетениями судеб славных людей, повлиявших на наш современный мир, так что моя судьба оказалась вплетена в их пути и в конце концов привела меня к столь неожиданному возвышению. В любом случае, знакомство с этими сложными древними сти-

хами и песнями оказало на меня огромное влияние, подготовив к восприятию всего произошедшего после.

Существовало множество исследований, посвященных структуре смыслового рисунка, аллюзиям и аллегорическим приемам, связи с другими культурными произведениями, социально-психологическим портретом самого Летова и о характере его восприятия событий той бурно меняющейся эпохи. Однако, до этого никто не смог увидеть за шаманскими приемами этого древнего гения четкого алгоритма взлома чужого мировоззрения. Встретив в записях Вана тексты Летова, я затем по нескольку раз переслушала все его песни и, надо сказать, это было непросто для меня как современного человека, привыкшего к богатой гармонии и уточненной мелодичности музыкального искусства общества развитого коммунизма. Сказались тренировки и опыт труда на Институт Осторожности и Предусмотрительности, где сам Виктор Ланге и другие профильные преподаватели приучили меня дотошно и терпеливо проникать в глубинную суть, игнорируя внешне хаотическую и ускользающую форму. Помогли и мои многолетние исследования докоммунистической культуры, выработавшие личный иммунитет к шокирующим формам тогдашнего алогичного мышления и научившие воспринимать то, что обычному человеку сейчас показалось бы отвратительным безумием. Итак, я раз за разом прослушивала агрессивные напористые песни с рвущим душу голосом и чувствовала, как что-то неуловимо разрушает-

ся у меня внутри, но если суметь тонко настроиться на эту смысловую волну, то создаёт взамен разрушенного нечто новое.

Не знаю почему это заметила именно я, но интуитивно подозреваю в том влияние моего давнего друга с далекого Синара, с которым мы были очень близки и неоднократно занимались любовью, когда мне было всего только двадцать лет от роду. Мой дорогой синарианин многому научил меня и среди прочего смог заложить в моё юношеское сознание концепцию Пронзающего Внимания, столь свойственную их древней планетарной культуре и как нельзя более подходящую для распаковки смысловых посланий по-шамански безумного Летова. В какой-то момент я поймала себя на мысли, что чувствую внутренний ритм алогичного текста, а переданный голосом характер и разрушительная музыка словно помогают в этом, отсекая всё лишнее и поддерживая найденное качество. С присущей мне дотошностью ученого и подозрительностью человека, сотрудничавшего с ИОП, я начала отслеживать эти моменты, сопоставляя текстовые структуры с глубинными изменениями своего состояния, и где-то через месяц смогла составить целую объемную трехмерную таблицу. Поэкспериментировав ещё немного, я выделила восходящие и нисходящие линии смысла, переходящие между разными уровнями мышления и частотами восприятия мира. Тут как раз помогли исследования моих друзей Вана и Веры, сумевших определить мировоззре-

ние как определенную частность, существующую в объеме, определяемом внутренней структурой мышления. Введя летовские конструкции в объемную модель Вана, я нашла точки пересечения линий и обнаружила, что в этих точках могу свободно менять своё или даже чужое состояние исключительно внутренними словесными командами. Можно сказать, что тут я путано объясняю концепцию так называемой магии слова, где управление внутренними процессами происходит не посредством концентрации на них, а путем использования своеобразных нейролингвистических ключей, переключающих деятельность мозга внутри него самого. Однако, здесь мне важно показать, как я пришла к этому, и какую роль сыграли в том песни Егора Летова.

Через три месяца напряженного экспериментирования с объемными моделями Вана, я накопила некий материал и решила поделиться им с ведущими специалистами по наследию этого древнего поэта. Порывшись в Едином Сознании, я выяснила, что таковыми являются психоисторик и фольклорист Делайна Мерсье, а также музыкант, структуральный лингвист и программист Ингвар Край, в настоящий момент трудящиеся в центральном Институте Исторической Лингвистики Сферы Обитания Субвенера-1. Я немедленно связалась с ними по линии прямой мысленной связи, довольно быстро получила доброжелательный и заинтересованный отклик на свой запрос, а потом они предложили мне подождать неделю и встретиться лично на самой Венере, где чи-

тали курс лекций для старших классов школы юношеского цикла при планетарном мегагороде Шретерград.

Завершив все текущие дела, я собрала немногие необходимые вещи в рюкзак для путешествий и надела свой любимый деловой костюм серого цвета, в котором обычно читала лекции через голографический проектор для школьников и любопытствующих, не имеющих возможности присутствовать на моих лекциях лично. Уже давно терраформированная Венера представляет собой густонаселенный мир-сад, в отличие от заповедной Марксиды, то есть прежней Земли, куда мы прилетаем лишь в поисках уединения, для отдыха и путешествий, ради знакомства с историей и культурой или же для разного рода инициаций, фестивалей и спортивно-культурных мероприятий. В незапамятные времена, когда люди только мечтали о терраформировании соседних планет, их взоры в первую очередь обращались к Марсу, но именно Венера, схожая с Землей по размеру и массе оказалась наиболее удобной площадкой для этих экспериментов, так что её терраформировали первой. Технологии пятого и шестого веков коммунистической эры позволили охладить поверхность планеты и доставить на неё достаточное количество воды, а наиболее трудной задачей стало замедление её вращения для приближения слишком длинных венерианских суток к привычным земным

Ранее я не бывала на самой Венере и ещё на подлете с любопытством разглядывала ровные круги мегагородов, распо-

ложенных на равном расстоянии один от другого и соединенных полосами скоростных магнитных магистралей технолenты. Вся твердая поверхность планеты была равномерно зеленой, но с высоты менее ста километров в этой зелени уже различались оттенки, отдельные полосы лесонасаждений, синие прожилки каналов, квадраты парков и отдельные блестящие купольные сферы, относящиеся к коттеджным поселкам малоэтажной застройки. Крупные города здесь тоже сильно отличались от более привычных мне марсианских спиралогородов в сотни этажей с искусственной гравитацией. Здесь города состояли из очень высоких башен и пирамидальных строений с открытыми террасами; все они утопали в зелени садов, расположенных внизу, и соединялись друг с другом ажурными, почти прозрачными переходами сразу на нескольких высотных уровнях

Я прилетела в мегагород, названный в честь Йогана Шретера, находящийся на континенте Иштар, откуда быстро добралась на скоростном поезде до обширного комплекса имени Макаренко, объединяющего сразу несколько школ юношеского цикла в самых предгорьях гор Максвелла. Отсюда с плоскогорья Лакшми открывался потрясающий вид на каменистые горные громады, приобретшие после терраформирования планеты специфический ржаво-железный цвет. Я сразу же вспомнила весь свой опыт горных походов и поймала себя на жгучем желании когда-нибудь взойти на хребет Максвелл-Монт, испытав себя в преодолении столь при-

тягательных для любого человека трудностей. Закинув свои немногочисленные вещи в выпавший мне по распределению маленький жилой домик возле какого-то живописного канала, я сразу же поспешила в открытый лекторий, где впервые в живую увидела Делайну Мерсье и Ингвара Края.

Делайна оказалась изящной, необыкновенно высокой темноволосой женщиной лет сорока, с огненно-зелёными глазами и обворожительной улыбкой. Она вышла ко мне в цветастом платье, состоящем из мешанины голографических исторических картинок, черных колготках с затейливым рисунком и высоких черных сапожках, стилизованных под натуральную кожу. На её груди висели какие-то странные аляповатые бусы и старинный знак, называемый пацификом и означающий мир. Ингвар же оказался невысоким коренастым крепышом возраста лет чуть за семьдесят с длинными черными волосами, собранными в хвост, а также с очень внимательными добрыми карими глазами, в которых явственно просматривались его высокий интеллект и природная деликатность. Он был одет в имитацию древней рокерской куртки и широкие бесформенные штаны с массой карманов, какие любят носить некоторые современные программисты. «Ну, наверное, именно так и должны выглядеть исследователи творчества андеграундного панка и великого русского поэта Егора Летова» - подумала я, а вслух сердечно приветствовала своих новых товарищей.

Мы очень быстро нашли общий язык и подружились так,

что следующая неделя прошла в совместных прогулках по жарким венерианским садам и в детальном разборе моих структурных моделей, приведших Ингвара и Делайну в неописуемый восторг. Довольно скоро я поняла свою ошибку и сменила строгий деловой костюм на спешно напечатанные в ближайшей лавке генерации предметов повседневного потребления, шорты и светлую рубашку с короткими рукавам, гораздо больше подходящие для субтропического климата терраформированной два столетия назад Венеры. Популярные шутки об особом характере венерианских жителей оказались не лишёнными оснований, и местные действительно сильно отличались от регулярного населения Марса и орбитальных Сфер Обитания. Прежде всего, на Венере было в целом очень тепло и местами даже слишком жарко, а потому люди тут вставали очень рано — гораздо раньше, чем любые другие, и так привыкшие к естественным ранним утренним подъемам представители нашего человечества. Днём жизнь здесь будто замирала, прерываясь на неизбежную сиесту с расслабленным распитием освежающих напитков, возлежанием где-то в тени деревьев и под повсеместными навесами, или же просто сном. Утром и вечером, здесь, напротив, было всегда шумно и многолюдно, а любая деятельность так или иначе подчинялась этим климатическим суточным ритмам. Посещённая мною зона находилась на высотном плоскогорье и считалась наиболее подходящей для воспитания и обучения детей и молодёжи, но даже здесь

воздух прогревался днём непривычно сильно для меня — привыкшей к прохладному Марсу, очень разной Марксиде и сбалансированному температурному режиму космических поселений.

Всё-таки я, Алиса Зорина, считаю себя настоящим небесным человеком, так как родилась на отдаленной станции и привыкла к оптимальным условиям космических Сфер Обитания, где и так уже жило подавляющее большинство человечества. Марксида есть и всегда будет заповедной планетой, где жить можно лишь определенное время, а возможность постоянного проживания остается привилегией за особые заслуги перед человечеством, впрочем, никто из достойных людей не станет злоупотреблять этой привилегий, следуя требованиям естественной для каждого морали и внутреннего чувства ответственности. Венера и Марс могут вместить много людей, но их возможности также небезграничны, а жилые орбитальные кольца существуют далеко не у всех миров и способны вместить лишь по паре сотен миллионов человек. Зато огромных космических Сфер Обитания существует уже больше полусотни и постоянно строятся новые, так что в этом отношении вопрос глобального будущего человечества давно решен. Нашим потомкам суждено стать подлинно космическим человечеством, не привязанным к планетам, но строящим свой дом там, где решат, и перемещающим его туда, куда им нужно.

Первую половину дня я сначала ходила на лекции моих

новых товарищей, а потом много гуляла, постоянно пытаясь освежить разгоряченное тело купанием в любых доступных водоемах. Днём купаться было бессмысленно, и я бессовестно спала в кресле прямо в тени широкого козырька моего маленького домика. Когда же спадала жара, мы с товарищами принимались за совместный труд, а потом, дождавшись захода непривычно большого солнца, вливались в активную вечерне-ночную жизнь поселения, обслуживающего ближайшие школы. За эти вечера я много узнала о своих новых товарищах. Так, Ингвар помимо структурной лингвистики был ещё и профессиональным музыкантом, играющим постклассическую музыку в составе локально известной группы Соляр. Третьей же его профессией было программирование, и он как раз недавно в составе обширной междисциплинарной группы закончил труд над созданием системы прямой звукопередачи для Единого Сознания.

Эта технология позволяла не воспроизводить звук как таковой, а инициировать соответствующие центры мозга, напрямую воспроизводя нужный звуковой образ в сознании путем активации уже имеющихся в памяти звуковых воспоминаний. Такая активация опиралась на базовые и очень простые воспоминания, имеющиеся буквально у каждого взрослого человека, а затем алгоритм уже выстраивал на их основе более сложную звуковую структуру, тем самым позволяя сэкономить массу энергии для ретрансляционных механизмов Единого Сознания. Впоследствии именно эта тех-

нология, досконально знакомая Ингвару, легла в основу создания нашего лингвистического алгоритма. Делайна помимо психоистории занималась танцами, глубоководным плаванием и моделированием старинной одежды, модной где-то в промежутке между 22-ым и 25-ым веками по старой хронологии. Потом она подарила мне множество интереснейших, но очень непривычных, реплик платьев и юбок собственного изготовления, а я еле довезла всё это до дома и долгое время не знала, что с ними делать, пока, в конце концов, не раздала всё это добро подругам из своего Института.

Как-то раз мы, изнывая от полуденной жары, сидели в откидных креслах под навесом, разглядывая причудливые очертания гор, периодически затягивающихся коричневатой дымкой дневных испарений. Делайна, как и я, лежала в купальнике, а вот Ингвар даже в такое время не расставался со своей знаменитой курткой, являющейся репликой чего-то очень модного в далеком 20-ом веке. Ранее Делайна намекала мне на наличие в этой куртке продвинутой и совершенно современной системы контроля температуры, и это скрываемое ото всех внутреннее охлаждение несколько нас забавляло, подчеркивая неординарность характера Ингвара. Он вообще был исключительно экстравагантным человеком и всем своим поведением старался демонстрировать приверженность древним культурным традициям в том их понимании, какое вынес из текстов старинной рок-музыки. Вот и тогда мы рассуждали о ритме человеческой жизни, сильно

замедлившемся вместе с удлинением её продолжительности, но ставшем одновременно до предела насыщенным большими свершениями и увлекательными делами.

- Во времена Егора Летова люди были слабы и подвержены болезням, а социальная среда обрекала их на множество опасностей, - говорил Ингвар. - Мы сейчас даже не можем себе представить в каком перманентном стрессе пребывали наши тогдашние предки, сталкивающиеся с войнами, преступностью, насилием, конкуренцией и отсутствием спокойной уверенности в завтрашнем дне. Тем большее уважение вызывают творцы и борцы, жившие на износ и не жалевшие даже своих малых сил ради проживания яркой интересной и насыщенной жизни.

- А ведь ещё они употребляли алкоголь и наркотики, придававшие жизни иллюзию большей яркости, но на деле лишь сокращавшие её и лишавшие их адекватности восприятия реальности, - вторила ему Делайна, блаженно потягиваясь. - В этом решительном духовном протесте по принципу «Послать всё это и оглушительно сгореть. Кто не боится умереть, тот и не сможет постареть!» есть нечто завораживающее. В чем-то такие люди, несомненно, превосходили нас...

- Нет особой заслуги в том, чтоб сгореть, не имея изначально нормальной опоры в виде крепкой телесности и здоровой психики, - не соглашалась я — Растворившись в социальных процессах без остатка, они, несомненно, меняли мир, но это было подобно короткой вспышке. Они не успе-

вали развиться как личность, реализовав лишь те качества, какие у них изначально были и на какие хватило их природного запаса здоровья и жизненных сил.

- Летов, изучением наследия коего мы сейчас заняты, называл это праздником, без которого жизнь совершенно не нужна, - ответил мне Ингвар. - Не имея тех возможностей, какие имеем мы сейчас, люди прошлого зачастую вынуждены были использовать все доступные способы, чтобы ощутить яркость и вкус жизни.

- Ты имеешь ввиду наркотики? - заинтересованно переспросила Делайна. - У них ведь были и другие способы ощутить всю полноту жизни…

- Не так уж и много способов у них было, — ответила я за Ингвара — Разве что экстремальные виды спорта, наемничество, о котором говорил тот же Летов, какие-то буйные празднества с доведением себя до исступленной одури, например, на так называемых дискотеках. Разве что ещё были путешествия, но для этого существовало так много препятствий.

- Каких же? Что может быть проще и естественнее чем путешествие? - удивилась Делайна. - Для человека так естественно странствовать, видеть нечто новое, испытывать себя в походах…

- Для этого было много препятствий. Поездки в другие страны требовали денег и свободного времени, будучи доступны не всем, - ответил Ингвар на адресованный мне во-

прос. - Мир тогда был разделен границами, и зачастую такие путешествия оставались неоправданно рискованным делом. А просто ходить в походы могли не все в силу мещанского склада психики, привязанной к условному комфорту привычных мест обитания. Да и физическое состояние большинства людей оставляло тогда желать лучшего. Какие уж тут походы?

- То есть всё опять-таки упирается в недостаток жизненных сил, — подытожила мысль Делайна. — Люди не уделяли время саморазвитию: кто по причине лени, а кто реально не имел такой возможности, будучи вынужден заботиться лишь о текущем выживании. В сознании большинства идея о необходимости и естественности развития не существовала тогда даже в виде теоретической концепции.

- Заслуга великих революционеров 21-ого века заключается в том, что они возвели концепцию развития человека в основу всех общественных практик. - сказала я, - До них даже классики марксизма опускали этот вопрос и это можно понять. В антагонистическом обществе максимум на что мог рассчитывать человек, так это на более-менее полную реализацию своих изначально имеющихся качеств и свойств. Они могли получить должное раскрытие на протяжении жизни, а могли и не получить. Если человек успевал в достаточной степени раскрыть свою изначальную полноту свойств, то это раскрытие путали с развитием, не понимая, что развитие подразумевает качественную трансформацию с выходом на

принципиально иной уровень.

- Но ведь уже тогда существовали различные исторические традиции, подразумевающие развитие и ставящие его своей главной целью, - ответил мне Ингвар. - Ведь именно они легли затем в основу Единой Методологии Развития, на основе коей выстраивает свои индивидуальные психофизические практики каждый человек в нашем мире.

- Конечно такие были, - продолжала я — Но они все были отягощены идеалистическим мировоззрением и потому оставались уделом немногих…

- Летов же попросту был гением и сумел полностью раскрыть свой неистовый потенциал, вложив всю имеющуюся у него силу в песни, которые пережили века и ещё послужат делу выстраивания новых смыслов, — задумчиво произнесла Делайна. - Потому мы его и изучаем. Для него вся жизнь была таким вот праздником нескончаемой борьбы и преодоления, когда все силы вкладывались в дело всей жизни, наполняя её нездешней радостью и неизбывным смыслом. А что тогда праздник для нас?

Тут я встала, разминаясь после длительного неподвижного лежания, поприседала в низкой стойке, перекатывая вес с ноги на ноги и ответила вполне привычным мне назидательным тоном лектора:

- Для нас сейчас естественной кажется диалектика труда и отдыха, когда напряженный целенаправленный труд приносит человеку радость от возможности реализовать всю пол-

ноту его личностных качеств во благо общества. Сам по себе такой труд уже является праздником, но особенно ярок этот праздник в моменты свершения, когда труд приносит ощутимый, видимый результат. Диалектика труда и отдыха зависит от характера и интенсивности деятельности человека. Если речь идёт о текущем монотонном поэтапном труде, то отдых может носить характер простой смены деятельности, подобной той, что каждый человек стремится осуществлять, меняя каждые восемь-шестнадцать лет сферу приложения усилий. Если же речь идёт о периодах особо сложного труда, требующего максимального напряжения всех сил, задействования всех выработанных личных качеств и всей полноты свойств, а также элементов реального риска, тогда этот труд должен сменяться длительным периодом полного покоя. В таком случае мы имеем как раз тот праздник жизни на пределе возможностей с их дальнейшем преодолением и выходом в новое качество, о коем и говорил Летов. Период отдыха после него есть естественный процесс восполнения психических сил, наполненный радостным осознанием свершения. Иными словами, наше коммунистическое общество превращает всю жизнь в тот самый летовский праздник, но он всегда разный, такой же разный как и сама жизнь, диалектика которой соединяет предельное напряжение всех сил для великих свершений с глубоким расслаблением и полным покоем, а упорный монотонный труд с периодическим переключением усилий для сохранения ощущения новизны и той

самой неизбывной радости действия...

- Опять в тебе, Алиса, просыпается типичный лектор высшей школы, - засмеялась Делайна. - Сегодня мы уже упорно потрудились и сейчас отдыхаем в полной бездеятельности, но силы наши, кажется, уже восстановились, а солнце опустилось пониже, так что можно перейти к более активному отдыху, чтобы вечером совершить очередной мозговой штурм на пути преодоления задачи… Пойдемте купаться!

Посмеявшись вместе с подругой, я тут же потянула разомлевшего Ингвара за руку, и мы все вместе отправились к ближайшему каналу, где деревья начали давать приятную тень, а вода действительно была уже не такой горячей. Вечером же нам действительно предстоял очередной мозговой штурм в попытках создать приемлемую модель построения смысловых структур по принципам мышления до безумия гениального Летова.

Нам хватило недели, чтобы написать большую совместную статью, в которой мои идеи носили ключевой характер, а Делайна с Ингваром задали им соответствующие рамки, поправив меня в тех вопросах, где я была недостаточно компетентна. Затем Ингвар улетел к своей прежней семье в Сферу Обитания Субвенера-1, где трудился в Институте Исторической Лингвистики им де Соссюра, а мы с Делайной ненадолго съездили на побережье Моря Седны, что находится на севере океана Гиневры, где купались и ныряли в таинственные глубины, столь популярные среди дайверов и экстремальных

подводных пловцов. Вдоволь наплававшись и нажарившись на безжалостном венерианском Солнце, мы вернулись назад в космос, Делайна туда же куда и Ингвар, а я к себе домой.

Возвращение домой было радостным, коллеги ещё долго удивлялись непривычному для моей кожи загару, какой невозможно было бы получить на исконной Марксиде или на всегда прохладном Марсе. Наше дальнейшее общение с Ингваром и Делайной продолжалось и после выхода статьи, но уже только через голографические проекторы или же по линии прямой мыслесвязи. Ссылку на вышедшую публикацию я по привычке скинула Виктору, всегда просившему присылать ему свои свежие исследования, а потом целых полгода жила обычной жизнью, читая лекции, принимая экзамены и слетав вместе с Ульрихом в школу к нашей дочке Еве на большой детский праздник ремесел, где её творческая группа даже получила второй приз и благодарность от Воспитательного Совета их сектора. Потом Ульрих начал подолгу пропадать на сложных операциях, где накапливал практический опыт для участия в одном большом медицинском исследовательском проекте. Вечерами я всё чаще оставалась одна, размышляя о Летове, сибирском роке и о том, какими людьми были эти суровые творцы - не щадящие своей психики и почти лишённые гармоничного здоровья, употребляющие наркотические вещества, жившие на износ, но буквально бредившие жаждой справедливости и как-то по-своему искренне стремившиеся к правде и познанию.

Нашей статьей сразу же заинтересовались нейролингвисты из исследовательской группы небезызвестной Ланы Куроги, изучающей воздействие лингвистических программ на глубинные структуры мышления. Лана лично связалась со мной по голографической связи и попросила передать накопленные материалы, обещав обработать их доступными её группе методами. Разумеется, я согласилась, подключив к общей линии связи и Делайну с Ингваром, официально присоединившись к группе Куроги в качестве консультанта боковой ветви их исследований. Как раз тогда начали приходить первые отклики на нашу публикацию по открытой линии научных обсуждений Единого Сознания. Мы получили множество вопросов, условно распределив их по характеру на фольклорно-исторические, нейролингвистические и культурно-структурные. Последние, конечно, достались мне, и ещё при сортировке запросов на профессиональные и любительские я была заинтригована вопросом от некой любознательной школьницы из историко-культурного кружка с Субсатурна-7 (Каллисто-внешний).

Вопрос этот звучал так: «Уважаемые товарищи, исследователи языка, поэзии и старинного мышления, мы в нашем кружке подросткового цикла внимательно прочитали вашу статью, очень заинтересовались и горячо обсуждали её. Некоторые моменты остались нам неясны в силу возраста и недостаточности наших знаний, но вот об одном наш Наставник всё-таки предложил спросить, обратившись к вам

в письме с прямым вопросом. Могут ли алгоритмы взлома сознания парадоксальными лингвистическими конструкциями быть применимы к докоммунистическим инопланетным цивилизациям, стоящим на стадии исторического развития, схожей с земной примерно 20-ого — 21-ого веков? И если могут, то насколько универсальна эта закономерность? Не может ли она быть распространена и на мышление человечеств, стоящих и на более поздних стадиях?»

4. Миссия

Я как раз занималась этим интригующим вопросом, сидя в кресле у себя в комнате и заваливая линейные отделы Единого Сознания нужными запросами в разные информационные кластеры, когда мягкий звонок у двери возвестил о чьей-то просьбе посетить моё скромное жилище. Когда дверь отодвинулась, передо мной предстал высокий даже по меркам современного человечества пожилой темнокожий мужчина с седыми как снег волосами, пронзительным добрым взглядом и воистину могучим телосложением. Естественно, я узнала старейшину Михана и была столь поражена таким визитом,

что даже не сразу смогла перейти к обычной вежливо уважительной модели общения. Он поприветствовал меня, внимательно оглядев с головы до ног так, что я почувствовала легкое смущение, ведь на мне была лишь очень легкая домашняя накидка, едва доходящая до середины бедра и явно не подходящая приему столь важного гостя.

- Здравствуй, Алиса, - улыбаясь, сказал он мне. - Я имел веские причины, чтобы посетить тебя

- Здравствуй, старейшина Михан! - приветствовала его я. - Должно быть тебе нужен Ульрих? Он уже два дня как находится в операционной в качестве консультанта бригады экстремальной хирургии и освободится не ранее чем завтра, да и к тому же вернётся сильно утомлённым.

- Знаю, - сказал Михан. - Я прибыл поговорить именно с тобой…

Ещё сильнее удивившись, я предложила старейшине сесть и вырастила из стены стул, наиболее комфортный из возможных в жилищах этой генерации. Михан непринужденно сел напротив меня, ещё раз ободряюще улыбнулся и заговорил:

- Мне больше ста восьмидесяти лет, и моё время среди людей заканчивается. Становится всё труднее вычислять сложные ритмы личных внутренних практик, учитывая суточные циклы, планетарные ритмы и неизбежную перестройку восприятия в быстро меняющихся условиях. Потому я скоро отправлюсь на Марксиду, где проведу остаток своих дней в

Домах Уединения в лесах Британской Колумбии, готовясь к Финальному Переходу. Пожалуй, ты одна из последних людей, кого я посещаю...

- Ты собираешься умереть? - напрямую спросила я.

- Для остального человечества я умру совершенно точно и определенно, - слегка посмеиваясь, ответил Михан. - А вот для меня самого существуют и иные варианты. Возможно, мне удастся совершить нужные внутренние трансформации и стать чем-то большим, чем я был прежде… Но в любом случае это будет уже не Михан, нейрохирург и старейшина Верховного Совета человечества, так что можно сказать точно — тот я, которого все знали раньше, исчезнет.

- Мне всегда казалось, что наша жизнь слишком коротка, и расстраивал не сам факт неизбежности её конца, а невозможность успеть совершить всё задуманное, - задумчиво сказала я. - Ведь в мире столько всего интересного! Живи мы хоть пятьсот или даже тысячу лет, как уже живут некоторые старшие разумные, но всё равно не успеешь прикоснуться и к тысячной доли того, к чему стремиться любознательный разум.

- Со временем и опытом наша жизнь словно уплотняется, - тихо произнес Михан, странно покачиваясь, - Поэтому и говорится о жизненных циклах, заворачивающихся подобно восходящей спирали, на каждом следующем витке которой человек становится сильнее и мудрее, чем на предыдущем. Разумеется, так происходит только если подлинным стерж-

нем жизни является некая практика, обобщенно называемая нами Гун-фу. Тогда происходит непрерывное развитие, и каждый следующий его цикл включает в себя все предыдущие как их диалектическое отрицание и одновременно как основу для дальнейшего движения. Если же в жизни человека нет развития, то спираль не закручивается, а, наоборот, раскручивается, постепенно рассеиваясь и ослабевая, будучи лишённой удерживающего её центра. В современном человечестве нет людей, не воспринимающих непрерывное личностное развитие как естественную потребность, потому, чем человек старше, тем он становится сильнее, здоровее и мудрее. Ты специалист по докоммунистической культуре и прекрасно знаешь, что так было не всегда. Раньше большинство людей не занималось развивающими их практиками. В течении их жизни происходил не столь естественный для нас восходящий подъем, а лишь кратковременный всплеск молодости, неустойчивый баланс зрелости и неизбежный спад в старости, заканчивающийся смертью.

- Прекрасно понимаю тебя. Сколь удивительно было, когда я изучала историю, видеть, как личность человека словно распадается, увядая и разрушаясь вплоть до превращения в свою полную противоположность или хуже того в жалкую тень прежней себя, - ответила я. - Ты говоришь про жизненные циклы, и я сейчас нахожусь в самом расцвете третьего наполняющего, практикуя выстраивание телесности атлетическими практиками и периодически постигая ис-

кусство борьбы с моим Наставником Виктором Ланге. Мне бы хотелось наконец приблизиться и к более тонкому искусству внутренних трансформаций, тем более что я уже родила дочь и чувствую себя вполне готовой к этому. Пока у меня не получается подобраться к таким занятиям в силу большой занятости и увлеченности избранным мною трудом. Максимум на что меня хватает это стандартные медитации…

- Когда почувствуешь, что время пришло, Алиса, отправляйся к мастеру Алехандро Кордейру, - наставительно произнес Михан. - Ты знаешь его как Учителя твоего друга Вана. Он будет предупрежден и обязательно примет тебя, обучив тому, чему должен. Но это произойдет только тогда, когда меня уже не будет среди людей.

- Благодарю тебя, Михан! Я всегда мечтала заниматься у мастера Алехандро, - горячо сказала я. - Печально, что ты уходишь в четвертый завершающий цикл. Человечеству будет не хватать твоих знаний.

- Все мои знания, какие нужны людям, давно переданы ученикам и студентам, - невозмутимо продолжал старейшина. - Наиболее ценные образы из моего личного опыта тщательно ментоскопированы и находятся в Хранилище Памяти Единого Сознания в грамотно каталогизированном архиве индивидуальных мыслеобразов. Я многое сделал для человечества и по праву горжусь благими свершениями, но сейчас это не важно. Ты должна знать, Алиса, что помимо четвертого завершающего цикла существует ещё пятый неведо-

мый, откуда открываются врата шестого возвратного и седьмого сияющего, увенчанные восьмым всеобъемлющим. Сейчас для тебя это просто слова, но когда-нибудь ты поймешь почему я пришел к тебе, и слова эти обретут для тебя ясный смысл.

- Почему ты пришел ко мне, старейшина? - спросила я, стремясь поскорее перейти к сути беседы, не углубляясь в разговоры о скором уходе этого великого и действительно старого человека.

- Линии жизненных событий сплетаются удивительным образом, так что даже мудрейшим бывает трудно прозреть в их кажущейся хаотичности несокрушимую причинность, - начал объяснять Михан, слегка подавшись в мою сторону. - Твоя жизнь связана со многими ключевыми для человечества событиями. Ты была рядом с Верой Эрфарен во время опасного эксперимента по считыванию остаточной информации, относящейся к генетической памяти, остающейся слабо изученной до сих пор. Ты лично знакома не только с Верой, но и с Ваном Хорном, который единственный из всех людей нашего мира удостоился возможности соприкоснуться с Точкой Послания, оставленной нам древнейшими разумными нашей галактики и ещё нескольких соседних. Ты была интимной подругой человека с планеты Синар, чья возлюбленная оказалась среди тех, кто открыл загадочный исток. И теперь ты погрузилась в изучение того, что журналисты метко назвали магией слова. Именно с этим связана

возможность очередного прорыва нашего человечества. За этим прорывом, если он состоится, может стоять новая боковая тропинка развития разума. К чему она приведет никому не известно, а всё неизвестное вызывает подозрение и обоснованные опасения. Взлом глубинных структур мышления, выстраивавшихся тысячелетиями ещё со времен наших диких обезьяньих предков, лишь спустившихся с деревьев, может представлять огромную опасность, за коей скрыты не меньшие возможности. А там, где есть опасность, там есть и Институт Осторожности и Предусмотрительности — тот самый ИОП, трудам которого ты помогала ещё в молодости, ненавязчиво наблюдая за судьбой Предназначенных Вана и Веры…

- То есть моё погружение в безумные тексты Летова это отнюдь не случайность? - уточнила я, уже понимая к чему клонит Михан.

- Случайность это лишь непознанная необходимость. С этого я начал своё объяснение цели своего визита, - назидательно сказал старейшина. - Так что, да, скоро с тобой свяжется твой друг и наставник Виктор Ланге из ИОП. Он ещё не знает того, что предвижу я, так что промолчи об этом визите. Раннее знание может нарушить цепочку правильных действий.

- Я что-то должна сделать? Или мне нужно что-то знать? - спросила я, настраиваясь на вероятно предстоящую в будущем, трудную задачу.

- Прежняя руководительница ИОП и одна из старейшин Верховного Совета человечества Ханна Лакшми совсем недавно ушла к свету, оставив много учеников, великие свершения и добрую память, - ответил Михан. - Теперь в руководящей структуре ИОП очень много мужчин, полагающихся на аналитику и системное моделирование. Ты женщина, и твоё мышление обладает рядом качеств, способных помочь разгадать грядущую загадку. Для женщины важно не только как правильно действовать в каждой ситуации, но и то, что именно чувствуют все участники этой ситуации. Такова особенность женского восприятия. Назовем её особой женской мудростью. Она непременно даст тебе нужное преимущество там, где безукоризненная правота и точный расчёт окажутся недостаточны.

Сказав это, Михан встал и неуловимо стремительным движением зашел мне за спину, положив свои большие, теплые руки мне на плечи. Я сразу же ощутила, как приятная теплота, возникшая неизвестно откуда, быстро разлилась по всему моему телу, даруя чувство несказанной силы, будто бы пульсирующей в каждой клеточке моего организма. Годы психофизических тренировок научили меня четко отличать субъективные ощущения от реальных внутренних процессов. В данном случае имели место именно последние. Мастерство Михана было столь высоко, что одним почти невесомым прикосновением он смог войти в резонанс с тонкими частотами моего организма, заставив каждую клетку тела

вырабатывать энергию сверх привычной меры, обильно питая мозг, пребывающий у меня в состоянии сконцентрированного внимания.

- Я чувствую тебя, Алиса, и ты сильна, но должна стать ещё сильнее, - тихо прошептал старейшина, убрав руки и выйдя у меня из-за спины. - Я дам тебе нужные точки привязки внимания и последовательность концентрации, которые ты будешь проходить регулярно вместо твоей обычной медитации, строго сообразуясь с твоим индивидуальным женским циклом и ритмом окружающего тебя пространства. Этот метод есть результат ста тридцати лет моего труда, личной практики и глубоких изысканий, объединяющих мудрость наших древних предков с моими знаниями ученого нейрофизиолога и оперирующего нейрохирурга. Последние двадцать лет я обучал своих старших учеников именно по этому методу, но полностью передам его только тебе… Не спрашивай меня почему. Со временем ты и сама это поймёшь, Алиса Соединяющая Миры...

Медленно осознавая смысл сказанного, я встала с кресла и внимательно взглянула в глаза старейшины. Мастер Михан был выше меня, но не настолько, чтобы смотреть на него совсем уж снизу вверх. Однако в этот момент он казался мне настоящим великаном, возносящимся куда-то под самый потолок, очень кстати проецировавший изображение голубого, слегка облачного неба. Уловив этот взгляд, старейшина улыбнулся, одобрительно похлопал меня по плечу и сказал:

- Отложи свои записи и давай приступим к делу. Труд предстоит немалый, и я надеюсь на твою отменную память, потому что запомнить тебе придётся многое. К тому же, я должен убедиться, что ты достаточно хорошо контролируешь гормональную систему и твоё внимание не будет обмануто, зацепившись за яркие и, к сожалению, ложные аффекты…

Я не стала ничего говорить, боясь упустить ощущение переполнявшей меня силы, и быстро убрала свои записи со стола, вытащив с боковых полок подушки для сидячей медитации — свою и ту, что мой Ульрих обычно использовал для восстановления после изнурительных операций. Мне предстоял огромный труд по усвоению метода внутренней практики, созданной самим великим Миханом, а упускать такую удивительную возможность я не имела права.

Конечно, я не могу передать здесь суть изученного мною метода, скажу лишь, что даже его простое запоминание потребовало огромных усилий и максимально возможной для меня концентрации внимания. Раз за разом мы проходили в общем-то простую последовательность, разбирая возникающие ошибки и ложные аффекты, а также фиксирую ключевые точки концентрации. Особенно трудно мне далось понимание сути привязки метода к пространству и циклическим ритмам функционирования тела, от каковых зависело очень многое. Важно было не только сделать всё правильно, но и ещё сделать всё вовремя, не упустив нужного момен-

та для достижения искомого состояния. Более суток почти непрерывной передачи метода Михана вымотали меня полностью, так что я даже точно не запомнила, как он уходил. Помню только, как старейшина сказал на прощание что-то типа: «Будь умницей, Алиса! Может быть когда-нибудь тебе ещё доведется встретиться с тем, кем или чем я стану. Доверяй своему женскому чутью, никогда не путай чутьё с чувствами и помни, что истинная победа может со стороны выглядеть поражением, а самая большая сила часто притворяется слабостью».

После этого я не раздеваясь легла на свою выдвижную лежанку и провалилась в глубокий сон, не требовавший никакого специального расслабления или особой ментальной подготовки. Вероятно, я проспала где-то четырнадцать часов по универсальному времени, а проснувшись обнаружила вещи Ульриха, который пришел с дежурства, решил меня не будить, отдохнул и снова ушёл по каким-то делам. Первым делом я прокрутила в голове всё, чему обучил меня мастер Михан, а затем с огромным наслаждением приняла душ и только потом подключилась к коммуникативной линии Единого Сознания, где обнаружила аж шесть пропущенных вызовов от Виктора Ланге.

Что ж, Михан был совершенно прав, говоря о том, что в скором времени мной заинтересуется сам руководитель вертикального отдела экзистенциальных угроз Института Осторожности и Предусмотрительности. Его прямая линия

мыслесвязи оказалась недоступна, и я позвонила по обычной видеосвязи, совсем не подумав о том, что выгляжу не самым лучшим образом. Виктор ответил сразу и он по-прежнему был побрит налысо, а его мужественное волевое лицо украшали всё те же пышные черные усы, как и при нашей прошлой встрече полгода назад. Он ничуть не смутился, увидев меня в домашнем халате и с мокрой головой, сразу же перейдя к делу со свойственной ему прямотой и решительностью. Не прошло и получаса, как я надела удобный дорожный комбинезон, предусмотрительно предпочтя его своему обычному платью, собрала индивидуальные вещи в небольшой рюкзак и отправилась на Линию Переноса, дабы успеть на ближайший рейсовый космолет до Сферы Обитания Субмарс-1, где располагался 2-ой вертикальный отдел ситуативного управления ИОП. Поесть и составить сообщение для Ульриха о причинах столь стремительного отлета, я решила уже из космолета.

В это время Марксида и Марс как раз были близки к точке противостояния, что делало перелет между ними максимально быстрым. Так что уже довольно скоро я прибыла во временное обиталище Виктора, где он принимал посетителей в большом конференц-зале Института Осторожности и Предусмотрительности, где я иногда бывала, и многие старые сотрудники помнили меня в лицо. В приёмном холле у конференц-зала, украшенном изящным фонтаном с тропическими растениями, толпилось множество людей в серо-зе-

леных медицинских комбинезонах, а на груди некоторых я с удивлением увидела обозначение института, где трудился мой Ульрих. Они оживленно беседовали, заходили и уходили, показывали друг-другу какие-то схемы на своих переносных голографических планшетах и явно были сильно озадачены. Природное любопытство и опыт моей наблюдательной деятельности в ИОП заставили внимательно вслушиваться в их разговоры, стараясь сложить из обрывков более-менее целостную картину. Увы, мне не удалось понять ничего, кроме того, что речь шла об энергетическом потенциале клеток, биохимически заложенном в молекуле ДНК, а также о поражении нервных узлов по какой-то схеме обратной нервной связи.

Два часа я сидела на скамейке у входа в зал, сложив руки на колени как послушная школьница, и терпеливо ожидала, когда Виктор наконец освободится. Он увидел меня, провожая кого-то из посетителей, быстро подошел и спросил, почему я сижу в холле, вместо того чтобы войти. Мы по-дружески обнялись, так как давно не виделись, а потом он предложил пройти к нему в кабинет, передав роботу секретарю, что сегодня больше никого принимать не будет.

- Совершенно не хватает времени во всём разобраться, - сказал Виктор, предлагая чаю, когда я наконец уселась в мягкое гостевое кресло его кабинета. - В скором времени человечество может столкнуться с большими проблемами биохимического характера, и над этим уже трудятся несколько

крупных медицинских институтов. Пока об этом нельзя сказать ничего определенного, но прогностические модели выдают высокую степень вероятности угрозы, вплоть до невиданной пандемии. С таким мы ещё не сталкивались ранее, так что ИОП действует на опережение, а старейшины сильно обеспокоены…

- Польщена, что говоришь мне об этом. Сообщение о грядущей туманной угрозе означает высокую степень доверия мне как человеку и сотруднику-наблюдателю, - улыбаясь сказала я. - Но к медицине я не имею никакого отношения. Причина нашей встречи явно кроется в чём-то ином. Зачем ты позвал меня, Виктор?

Он одобрительно взглянул на меня, разлил чай по чашкам, сел в своё огромное командирское кресло и начал, как всегда, издалека вводить меня в курс дела, оказавшегося связанным с лингвистическими изысканиями. Наши исследования, к которым я по любознательности и примкнула, ожидаемо заинтересовали Институт Осторожности и Предусмотрительности, предполагавший в экспериментах по взлому глубинной структуры мышления парадоксальными лингвистическим конструкциями некую потенциальную угрозу ментальному здоровью самих экспериментаторов. Долгое время это такие эксперименты воспринимались в качестве любопытного, но малоперспективного направления мысли, интересного разве что психоисторикам и специалистам по докоммунистическому обществу. Однако, наши последние ис-

следования зашли достаточно далеко, чтобы создать конкретный алгоритм взлома психики типичного представителя прежней цивилизации Земли, ещё не создавшей единого языка. Тут то к Виктору и прилетели научные кураторы линейных наблюдателей за молодыми цивилизациями от Совета Исследования Инопланетных Докоммунистических Цивилизаций. Прислал их некий Корнелий Саттар - известный специалист по тупиковым ветвям цивилизационного развития, много десятилетий бьющийся над изучением трагической истории мира Заснувших-в-Своем-Разуме, о котором я впервые услышала много лет назад от моего близкого друга с планеты Синар.

Разумные существа этой планеты, называемой нами Майя, достигли огромных успехов в развитии технологий дополненной и виртуальной реальности, а также создали компьютерную имитацию интеллекта, которую по несовершенству своего мышления сочли подлинно разумной. Всё это совпало с переходным периодом между полуживотным антагонистическим обществом позднего капитализма и человеческим коммунистическим обществом, так и не ставшим для Майи реальностью. Специфика их мышления в соединении с преобладающей на планете религией Божественного Сна, оказалась удобным инструментов в руках планетарной олигархии, нашедшей эффективные способы продления своего паразитического господства. Для масс были созданы целые искусственные виртуальные миры, куда изможе-

дённые люди могли уйти от суровой реальности изнурительного и примитивного труда. Господствующие же классы нашли для себя в этих мирах бесконечный источник извращенных удовольствий и ничем не ограниченной власти над разумом подконтрольных им соплеменников.

Когда наши старшие разумные собраться обнаружили эти заснувшие миры, то пришли в ужас от происходящего и долго не могли разобраться в причинах зловещей стабильности столь чудовищной системы, существующей к тому времени уже много веков. Когда же выдающиеся умы смогли проникнуть вглубь виртуальных иллюзий, увидев не только внешнюю техническую сторону, поддерживающую работу этой жуткой системы, но и прозрев её внутреннюю суть, тогда наши старшие братья с Пралоса, Веллы и Синара пришли в ещё больший ужас. В настоящее время за двумя населенными планетами Майи велось непрестанное наблюдение с робкими попытками как-то повлиять на устоявшуюся систему, не повредив при этом тридцати миллиардам её обитателей, пребывающих в плену наркотического сна. От человечества Марксиды старшим наблюдателем там служил мастер Корнелий Саттар, заслуживший это право выдающимися знаниями сразу в двух нужных для этого областях — искусстве программирования матрицы сетевых структур и ксенопсихологии докоммунистических человечеств.

Получая регулярные инфопередачи из родного мира, Корнелий недавно прочел в публикации текущих научных

отчетов об успехах нашей группы. Тогда у него возникла безумная идея попробовать пробудить этих несчастных, проникнув в их виртуальный мир и загрузив в их сознание парадоксальную лингвистическую программу, способную взломать глубинную структуру их мышления и вернуть их к нормальной человечности. Мне эта идея показалась чрезвычайно интересной, но поначалу было решительно непонятно, при чем тут я, о чем я поспешила спросить Виктора:

- Вероятно, этим должны заниматься лингвисты и программисты, такие как руководитель исследований Лана Куроги. Я ведь всё-таки не специалист в этой области и занимаюсь скорее культурой.

- Вот именно поэтому ты им и нужна! - уверенно ответил мне Виктор. - Они там будут иметь дело в первую очередь с культурой человечества, застрявшего на уровне дремучего капитализма. Кто, как не ты, сможешь понять характер их мышления и мировоззрения, приспособив к нему создаваемую специалистами программу?

- Я никогда раньше не бывала в других мирах, - неуверенно сказала я. - Безусловно такой труд был бы для меня очень интересен. Раз ты считаешь, что я справлюсь с ним, то я готова попробовать, но… Наверное для этого потребуется длительная специальная подготовка?

- Ты находишься в отличной физической форме, - медленно, но убедительно ответил Виктор, внимательно осматри-

вая моё тело, скрытое от его опытного взгляда лишь плотно облегающим комбинезоном. - Все необходимые психофизические кондиции можно развить в ходе тренировок. Помимо стандартной подготовки я лично буду заниматься с тобой. Ты очень внимательна и дотошна, что в полной мере показала своими наблюдениями за Предназначенными. К тому же ты весьма умна и умеешь скрывать свою проницательность за внешней простотой и непосредственностью….

Тут я позволила себе довольно улыбнуться. Предложение столь увлекательного и сложного труда нравилось мне всё больше и больше, кроме того, интуиция подсказывала мне и наличие у этой миссии некого двойного дна. В конце концов, не зря меня посетил сам мастер Михан, давший мне, помимо своего метода, ещё и туманные намеки со странными предостережениями.

- Люди не должны отказываться от важного и сложного труда, если чувствуют себя способными к нему, - уже более уверенно сказала я. - Тем более, если эту готовность подтверждают люди большого авторитета и опыта, то есть обладающие такой высокой компетентностью как ты, Виктор. Но среди прочих лестных оценок ты назвал меня проницательной, и сейчас я как раз проницаю, что в этой миссии есть что-то ещё…

- Ты права, Алиса! И это одна из причин, почему я рекомендовал наблюдателям именно тебя, - понизив голос, ответил Виктор — Алгоритм глубинного взлома мышления мо-

жет оказаться очень опасной технологией, имеющей обоюдное воздействие. То, что сработает с примитивным мышлением докоммунистических людей, вполне может оказаться применимо и к более сложному, несравненно более глубоко структурированному мышлению наших современников. Результат такого воздействия трудно предсказать, а мы по роду нашей деятельности не имеем права игнорировать любую потенциальную угрозу…

- Смутная, неясная угроза может оказаться самой страшной, именно ввиду нашего недопонимания её истинной природы… - задумчиво ответила я, вызвав одобрительное кивание Виктора. - Всё самое большое сокрыто в малом, а великое возникает из ничтожного.

- Дао Дэ Цзин? – уточнил мой собеседник. - Вот именно поэтому мне и нужна ты, Алиса. Там, где происходят малопонятные процессы, чреватые серьезными воздействиями на людей, Институт Осторожности и Предусмотрительности должен быть настороже и иметь внутри этих процессов своего человека, такого надежного как ты...

5. Центр подготовки

Не успела я опомниться, как жизнь моя круто измени-

лась, потеряв прежний размеренный ритм. Труд кабинетного ученого, вылетающего только в музеи и на реконструкции, сменился интенсивным обучением и непрестанными тренировками в центре подготовки к дальнему космосу. Как-то я уже посещала орбитальный центр подготовки звездолётчиков имени Светланы Савицкой с экскурсией, организованной моим старшим другом Ваном для нас с его детьми. Теперь я сама стала курсантом этого центра и должна была в достаточно короткий срок овладеть целым комплексом знаний и навыков, могущих оказаться необходимыми в предстоящей миссии. Когда мой Ульрих узнал о том, что через полтора года я отправлюсь в дальнее путешествие, он поначалу был крайне удивлён и весьма обеспокоен. Моя миссия могла оказаться опасной, и потому возлюбленный старался проводить со мной как можно больше свободного времени, зная, что не увидит меня долгие годы, а если случится что-то непредвиденное, то может больше не увидеть никогда. Впрочем, этого общего времени было очень мало, так как из центра я почти не вылетала, а дни отдыха выпадали нечасто.

В первую очередь мне предстояло освоить техники глубинной телесной трансформации, направленной на адаптацию к враждебным условиям дальнего космоса и иных миров. Для этого наша группа регулярно проходила физические тренировки в условиях разной гравитации, когда нас то буквально вжимало в пол и тело становилось неподъемным до свинцовой тяжести в каждой его клеточке, то, наоборот,

приходилось парить в невесомости, выполняя при этом заданные последовательности упражнений. Поначалу гравитация выставлялась на определенный уровень, повышающийся с каждым днём до конца недели, а затем сменяющийся невесомостью. Когда все формальные комплексы были освоены и координация движений достигла безупречной точности, нашу группу допустили к тренировкам с переменной гравитацией. Они были особенно трудны, так как в ходе одного занятия требовалось переходить из области с одной силой тяжести в другую, сохраняя полный контроль над своим телом и совершая установленные действия.

Параллельно с этим нас обучали практикам сознательного управления биохимией организма для приспособления к экстремальным воздействиям, какие могли встретиться в столь опасном путешествии. На каждом следующем цикле тренировок нужно было подвергаться жестким излучениям и действию разных сочетаний химических веществ - в этих условиях проверялись адаптивные качества организма и способность приспосабливать биохимию к этим опасным воздействиям. После таких испытаний мы проходили процесс усиленного рекондиционирования и начинали следующий цикл, призванный научить нас управлять организмом, сохраняя адекватность и трудоспособность даже в таких условиях, когда выживание возможно только на протяжении короткого времени, да и то - лишь при активации запредельных возможностей тела и психики. Если бы я с дет-

ства не занималась атлетической гимнастикой, то подготовиться к чему-то подобному за столь короткий срок было бы совершенно невозможно, но Виктор был прав, говоря о моей хорошей физической форме, и сейчас годы телесных тренировок послужили отличным подспорьем для освоения гораздо более тонких и сложных навыков.

Как и обещал, Виктор прилетал как минимум раз в неделю, находя время в своем до предела плотном графике, чтобы позаниматься со мной борьбой, которую считал крайне важной для выработки нужных в предстоящей миссии личных качеств. Здесь мне, как всегда, пригождался опыт занятий атлетической гимнастикой, благодаря которому я имела отличную координацию и чувствительность, позволяющие быстро осваивать новые модели движений. После плотных тренировок мы с Виктором разговаривали о самых разных вещах, и эти беседы чрезвычайно способствовали росту моей уверенности, подбадривая и вдохновляя даже тогда, когда что-то не получалось.

Помимо адаптивных практик я посещала курсы основ звездной навигации и изучала устройство звездолета в той степени, в какой это могло пригодиться мне как пассажиру. Приходилось находить время и для подготовки к своей основной миссии, прослушивая отчеты об изучении мира заснувших в своем разуме, а также консультируясь с лингвистами и программистами, прямо в это время трудящимися над созданием универсальных алгоритмов парадоксальной

лингвистической программы. Для этого к исследовательской группе Делайны Мерсье и Ингвара Края были подключены значительные научные мощности сразу нескольких смежных институтов, а весь проект теперь курировался напрямую Советом Исследования Инопланетных Докоммунистических Цивилизаций под негласным присмотром Института Осторожности и Предусмотрительности, отслеживающим труд над программой на всех его этапах. Ингвар и Делайна занимались подготовкой смыслового наполнения текстовой структуры, а группа нейропрограммистов под руководством Ланы Куроги переводила эти структуры в вид программы, подходящей для внедрения в мозг.

При всей моей чудовищной загруженности нужно было выкраивать время и для внутренней практики, переданной мне Миханом. Сначала я пыталась включать её в свою обычную вечернюю медитацию, а затем оставила только её, практикуя либо ранним утром, перед общим подъемом и тренировками, либо поздним вечером — уже после курсов и общения по прямой линии мыслесвязи с товарищами из группы Делайны Мерсье и Ингвара Края. Чрезвычайно высокие психофизические нагрузки приводили к желанию больше спать, но пропускать медитацию по Михану было никак нельзя, и я, преодолевая усталость, заставляла себя вновь и вновь пробуждать внутриклеточную энергию и проходить вниманием все указанные им точки концентрации. В какой-то момент обнаружилось, что эта практика перестала отнимать у ме-

ня остаток сил, а, наоборот, начала приводить к ощущению энергетического подъема и чувству насыщенной жизненности, после чего делать её стало значительно легче.

Через четыре месяца подготовки ко мне в гости прилетела моя давняя подруга Ильза, узнавшая о предстоящей миссии и решившая подбодрить меня, поделившись некоторым весьма полезным опытом. С собой она привезла двоих старших братьев-близнецов Вана и Веры, специально забранных ей из школы подросткового цикла с целью навестить подругу семьи, готовящуюся к дальнему полету. Это был день восстановления, и мы проболтали до вечера в комнате отдыха, окруженные моими товарищами по курсам подготовки, с огромным любопытством слушавшими рассказы Ильзы и общавшимися с детьми Вана - опытного звездолетчика, известного на весь мир благодаря своему контакту с Точкой Послания. Мужская часть собрания не просто слушала, но ещё и завороженно смотрела на красавицу Ильзу, по обыкновению одетую в длинное облегающее платье. Она отличалась от многих женщин не только очень большим ростом, стройностью и красотой, но и густыми длинными черными волосами, какие сейчас редко кто отращивает. Близнецы передавали привет от младшей дочери Вана и Верочки, находившейся в своей школе детского цикла. К моему возвращению все они станут совсем взрослыми, а в тот день они обещали с неиссякаемым любопытством ждать свою старшую подругу Алису, которую они так сильно любят за жизнера-

достность, находчивость и неутомимый нрав.

На девятый месяц подготовки меня и одного молодого навигатора выбросили в легких комбинезонах со случайным набором инструментов в горах Южной Америки, где мы должны были продемонстрировать навыки экстремального выживания, что мы с успехом и сделали. Эта инициация происходила в Андах далеко за снеговой линией, и мы даже попали в обильный снегопад с сильным ветром, впрочем, довольно быстро закончившийся. Страшно было только при высадке и немного потом, а в процессе самого выживания мы оба действовали на автомате, страхуя друг друга и выполняя отточенную последовательность действий, коей нас хорошо обучили специалисты. Затем меня одну погрузили на большие глубины Тихого океана с заданием найти причину поломки спасательной капсулы и осуществить её ремонт с самостоятельным всплытием. При этом в капсуле стремительно заканчивался кислород и падало давление. Выход же наружу был возможен только один раз, так как функционал скафандра был намеренно урезан по условиям испытания. Пожалуй, этот экзамен оказался самым сложным, но подготовка сделала своё дело, и я прошла его с первого раза, ни разу не воспользовавшись помощью дежурившей поблизости спасательной команды.

В результате мне присвоили квалификацию звездолетчика шестого класса, что означало возможность участвовать в дальних звездных экспедициях по своим основным спе-

циальностям, осуществляя содействие экипажу, непосредственно управляющему звездолетом, в рамках приобретенной компетенции. Это подразумевало знание основных протоколов безопасности, действий во время аварии, автономного выживания, а также умение управлять вспомогательными транспортными средствами и ремонтировать некоторые типы оборудования. Моей основной специальностью в экспедиции являлось курирование культурно-лингвистического воздействия, а также разработка и внедрение программ взаимодействия с докоммунистической цивилизацией. Для этой цели я могла привлекать во время полета любых профильных специалистов звездолета с согласия его капитана.

Дальнейшие тренировки проходили уже на специальной тренировочной площадке, представлявшей собой настоящий списанный звездолет, а комнату мне распределили в секторе проживания звездолетчиков. У меня появилось достаточно времени, чтобы встречаться с Делайной и Ингваром, перебравшимися поближе ко мне, чтобы совместно закончить подготовку программы внедрения. Примерно полдня я проводила на учебном звездолете первого класса «Яков Свердлов», используемом в качестве тренировочного полигона, а вторые полдня мы трудились над основной задачей в местной библиотеке. Незадолго до отлета я смогла выбраться в свой прежний Институт, где прежде много лет изучала и распространяла культурное наследие родной Марксиды, встретившись там с друзьями и коллегами, искренне по-

желавшими мне удачи в предстоящей миссии. Тогда же мне удалось провести достаточно много времени вместе с моим Ульрихом, поменявшимся дежурствами с другими хирургами, чтобы побыть со мной.

Я никогда не забуду эту последнюю неделю, проведенную с ним, когда я решила в первую очередь быть для него женщиной настолько, насколько это вообще возможно при моём характере. Каждый из этих дней я меняла наряды, ни разу не повторяясь и выбирая только самые изящные платья, и даже сделала себе сложную прическу в стиле начала 20-го века. Я хотела быть самой красивой и женственной для моего чудесного Ульриха, понимая всю длительность нашего расставания. В те ночи я отдавалась ему так сильно и страстно, как никогда ещё не делала в прежние наши ночи горячей любви. Казалось, мы смогли подарить друг другу все наслаждения, на какие только были способны наши тренированные здоровые тела с их утонченной чувствительностью и присущей глубоко образованным людям богатой фантазией. Воплотив все эти фантазии в реальность, мы потом подолгу лежали на ложе любви под приглушенным светом внутристенных светильников. На потолке же проецировалось изображение ясного звездного неба — такого, каким мы бы его видели из северного полушария исконной планеты, нашей прежней Земли. Ульрих смотрел мне прямо в глаза, гладил волосы и говорил: «Я благодарен тебе за все эти годы любви и настоящей близости. Надеюсь, что миссия пройдет успеш-

но, и потом мы снова будем вместе. Там тебя будут окружать хорошие надежные товарищи, разделяя с тобой общий труд и заботы. Это делает меня спокойнее. Если кому и можно со всей уверенностью доверить моё любимое сокровище, то только таким людям, какими являются звездолётчики. Если там у тебя появится достойный спутник, то так тому и быть».

Внимая каждому его слову и стараясь запомнить всё как можно подробнее, я отвечала ему: «Спасибо тебе за годы любви, которые я пронесу с собой через всю жизнь, сохранив эту любовь как красную нить своей судьбы. Вокруг так много чудесных женщин, пожалуйста, не пренебрегай ими. И если так сложится, то подари любовь и тепло той, которая окажется действительно того достойна». Он по-доброму улыбался и говорил: «Ты всегда в моём сердце. Пусть наш союз пройдет через время и пространство, неизменный среди переменчивых внешних обстоятельств». Вновь и вновь повторяя эти столь похожие один на другой разговоры, я всякий раз отвечала ему: «И ты в моём сердце навсегда, как та самая Великая Любовь, о коей я мечтала давно, ещё в годы своей беззаботной молодости. Истинная любовь сильнее времени и расстояния. Она всегда будет со мной, даруя силы и вдохновенное счастье, чтобы я могла служить всему человечеству и, творя благо для всех людей, творить его и для тебя как моего избранника».

Днём мы с Ульрихом гуляли по парковым зонам нашей Сферы Обитания, стараясь каждый раз посещать новую при-

родную зону, чтобы я могла хорошо запомнить их все, так как именно воспоминания о породившей нас природе лучше всего согревают человеческую душу в дальнем космосе. Теплая память о своем доме, таком ничтожно малом в масштабах бесконечного космоса, способна дать силы не потеряться в пространстве и сохранить ту могучую искру духа, что зажжена в каждом из нас творческой силой разумного человечества. Диалектика путешествий такова, что в них нужно сохранять волевую расчетливость и хладнокровную отвагу человека, оказавшегося один на один с беспредельным, но одновременно оставаться эмоционально живым, не теряя связь со всем, делающим нас людьми. Для меня это было ощущение Солнечной системы как хорошо знакомого большого дома, а также дома малого, состоящего из самых близких людей — Вана, Верочки, Ильзы, любимого Ульриха и, конечно же, моей дорогой дочери Евы. Попрощаться с большим домом было проще, чем с малым, ведь огромный звездолет во многом воспроизводит всё привычное нам по небесным жилым сферам, но, конечно, в гораздо меньшем масштабе.

Особенно трудным для меня было прощание с дочерью — моей маленькой, прекрасной Евой, уже достаточно взрослой, чтобы понять длительность вынужденной разлуки. Я приехала к ней прямо в школу, и мы долго сидели в обширном гостевом пространстве Зала Трудовой Активности с огромным панорамным окном, выходящим прямо на стыковочный узел нижней оси Сферы Обитания. Еве было грустно от осозна-

ния отъезда мамы, но в то же время она испытывала явную гордость оттого, что я отправлялась на столь важную миссию, и совершенно точно радовалась за меня, понимая всю увлекательность и важность предстоящего мне труда. Сейчас же она совсем не смотрела на окно, где раньше её всегда интересовали прилетающие внутрисистемные космолеты и транспортники линии переноса, а глядела только на меня, стараясь запечатлеть маму в памяти как можно подробнее. На мне тогда было надето очень красивое золотистое платье с открытыми плечами, доходящее примерно до середины бедра, в сочетании с тонкими бежевыми колготками и удобными мягкими туфлями. Моя Ева была внимательной девочкой и, почти сразу же осмотрев мои открытые руки и ноги, сказала:

- Мама, ты и раньше у меня была сильной, а теперь я вижу у тебя мускулатуру как у настоящего профессионального атлета! Интересно, зачем они так много тренируются в Пространстве Построения Телесности, если можно просто год позаниматься в центре подготовки к дальнему космосу?

- Вот уж и совсем это не просто! - засмеявшись, ответила я. - Это разные типы тренировок, направленные на функционально разные усилия. В одном случае нужно выстроить максимально гармоничную телесную структуру, а в другом - подготовить своё тело к экстремальным воздействиям на пределе его возможностей. Если первое - это про здоровье, то второе, скорее, про выживание. Чтобы выжить, иногда

приходится, жертвовать здоровьем и много чем ещё.

- Я бы не хотела, чтобы тебе пришлось выживать, и немного боюсь за тебя, - сказала дочка, слегка нахмурившись. - Наставница моей возрастной группы, провела для нас целый урок, рассказав о заснувших в своём разуме. Всем девочкам было очень интересно, куда придется отправиться моей маме…

- Не буду тебя успокаивать, Евушка, дабы не обидеть недоверием крепости твоего характера. Мир Майи это и правда страшное место, - объяснила я. - Там трудятся замечательные специалисты пяти разумных человечеств и вряд ли они допустят, чтобы что-то плохое случилось с моим телом, но вот с разумом там вполне может случиться что-нибудь очень нехорошее. Я скорее боюсь безумия и столкновения с явлениями, слишком тяжелыми для моей человеческой морали. Однако же, мой Наставник Виктор Ланге уверен в устойчивости моей психики и твердости характера, а ему я верю.

- Всё-таки, мамочка, будь осторожна, - тихо сказала мне дочь. - И пожалуйста возвращайся когда-нибудь. Я буду тебя ждать.

- Не могу ничего обещать тебе, Ева, - честно ответила я. - но очень постараюсь вернуться...

Как я ни готовила себя к этому моменту, но прощальный взгляд на мою единственную и горячо любимую дочь дался мне с невероятным трудом, отозвавшимся в сердце тягучей щемящей болью. В прежние времена, ещё до построе-

ния коммунистического общества, матери были сильно привязаны к своим детям, жили вместе с ними и даже пытались воспитывать их самостоятельно, не будучи профессионалами в области педагогики и не владея всем спектром нужных для передачи их маленькому человеку. Тогда их связь носила инстинктивный характер прочной гормональной взаимозависимости, зачастую заглушавшей робкий голос разума и плохо влиявшей на психику детей. Бытовая неустроенность и необходимость ведения общего хозяйства лишь усугубляли возникавшие проблемы, выливавшиеся в якобы извечный конфликт поколений.

Если большую часть истории дети обучались и усваивали практические бытовые навыки, попросту наблюдая за старшими, то к 20-му веку по старой хронологии ситуация в корне поменялась. Оторванность от своих детей, вызванная необходимостью зарабатывать на жизнь разной работой, всё больше расщепляла поколения внутри семьи. Дети уже должны были учиться в школах и социализироваться среди сверстников, подвергаясь всяческим опасным влияниям со стороны разрушительного капиталистического общества. Уже тогда семья как экономическая ячейка общества неуклонно отмирала, но люди всё же цеплялись за неё, так как только в семье могли найти ростки истинно коммунистического, любящего и бескорыстного отношения друг к другу.

Отдельная семья оставалась тем живительным островком

подлинной человечности в бушующем море жестокой конкуренции и звериного индивидуализма. Не всем удавалось обрести такую семью, но люди всё же стремились к ней, инстинктивно предчувствуя именно те отношения, которые должны были в будущем распространиться на всё человечество, превратив его в такую же семью для каждого человека — огромную, дружную и по-настоящему любящую. В этой большой семье неизбежно должна была раствориться прежняя маленькая индивидуальная семья, оставив только то единственное, что и могло её скрепить. Речь, конечно, идёт о любви, выходящей далеко за рамки семьи и не принимающей никаких внешних ограничений, то есть любви настоящей и свободной. Когда любовь между людьми не зависит от внешних факторов, тогда её источником и смыслом становится только глубокое личное чувство, возникающее между двумя людьми. Только такая любовь является истинной, и именно в такой любви родилась моя Ева. Впрочем, в такой любви рождаются и все остальные мальчики и девочки Марксиды, Марса, Венеры, полусотни субпланетных Сфер Обитания, космических станций и орбитальных колец - то есть всех мест, где есть мужчины и женщины...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.